Рецензии

Curriculum vitae: Религиозно-общественная жизнь российских регионов

Обзор на: Религиозно-общественная жизнь российских регионов. Т. I./Науч. ред. С. Филатов. М.: Летний сад, 2014. — 620 с. Религиозно-общественная жизнь российских регионов. Т. II./Науч. ред. С. Филатов. М.; СПб.: Летний сад, 2016. — 512 с.

Введение

В марте 2016 года вышел в свет второй том российско-английского проекта «Религиозно-общественная жизнь российских регионов». Данное издание является одиннадцатой книгой, изданной совместными усилиями представителей российского академического сообщества и Кестонского института в рамках фундаментального исследования «Энциклопедия современной религиозной жизни России». За время своего сотрудничества, начавшегося в 1997 году, интернациональным авторским коллективом были выпущены такие издания как: «Религия и общество. Очерки современной религиозной жизни России» (М.; СПб., 2002), «Современная религиозная жизнь России. Опыт систематического описания» (Т. I–IV, 2003–2006), «Атлас современной религиозной жизни России» (Т. I–III, 2005–2009), «Религия и российское многообразие» (М.; СПб., 2012), «Религиозно-общественная жизнь российских регионов» (Т. I., 2014).

Однако если в нулевые годы задачи работы коллектива сводились к тому чтобы «познакомить читателя с тем в религиозной жизни нашей страны, что мало известно или совсем не известно»[1], и издания были ориентированы скорее на предоставление информационно-справочных сведений о религиозных организациях (полные наименования, численность членов, руководство, адреса, контакты и т.п.). То издания десятых годов ставят своей целью преподнесение историко-

1. Атлас современной религиозной жизни России. Т.1/Отв. ред. М. Бурдо, С. Филатов. М.; СПб.: Летний сад, 2005. С. 7.

аналитической информации, а именно — описание основных тенденций в религиозно-общественной жизни регионов России. По словам участников проекта, смещение акцентов с информационной на аналитическую деятельность обусловлено, прежде всего, широким распространением в России сети Интернет. Увеличение покрытия сетями высокоскоростного Интернета облегчило для населения доступ к информации о религиозных организациях и общинах и сняло острую потребность в наличии специализированных информационно-справочных изданий (получить данные сведения теперь можно при помощи пары кликов компьютерной мыши). Однако развитие технического прогресса не ликвидировало проблем необходимости сепарирования источников, проведения добросовестного анализа и компактного изложения информации. Преодолеть данные трудности и изложить основные направления развития религиозно-общественной жизни взялся авторский коллектив проекта «Религиозно-общественная жизнь российских регионов».

Структура

Структура подачи материала в изданиях проекта «Религиозно-общественная жизнь российских регионов» несколько отличается от дизайна, ранее использованного в «Атласе современной религиозной жизни России». Если в «Атласе» регионы сгруппированы согласно порядку, употребляемому в Конституции РФ (сначала в алфавитном порядке идут республики, а после края и области), то в «Жизни российских регионов» все субъекты представлены единым упорядоченным по алфавиту списком. В первом томе серии излагается обстановка в 19 регионах РФ с буквы А (Республика Адыгея) до И (Республика Ингушетия), а во втором томе раскрывается религиозно-общественная жизнь ещё 14 российских регионов от И (Иркутская область) до К (Красноярский край). Выбор подобного дизайна в большей степени подходит энциклопедическому проекту, но вместе с тем сопряжен с некоторыми трудностями, ложащимися на плечи как авторов, так и читателей.

Во-первых, комплектация субъектов по алфавиту требует от исследователей, проводящих интервью с инсайдерами, существенных логистических затрат, так как расстояние между регионами, названия которых начинаются на одну и ту же букву, в России могут составлять тысячи километров (Амурская, Архангельская, Астраханская области). Во-вторых, полярность

и контрастность общественно-религиозной ситуации царящей в регионах, последовательно представленных друг за другом, может вызвать у читателя диссонанс, затрудняющий восприятие изложенного материала. При существующей форме подачи субъекты федерации оказываются вырванными из географического, экономического, социально-политического и культурного контекстов, что мешает пониманию происходящих в регионе процессов, затрудняет сравнение религиозно-общественной жизни в соседних регионах и не позволяет в полной мере раскрыть многогранность конфликтов, образовавшихся в результате несоответствия светских и религиозных административно-территориальных границ. Кроме того, после глубинного погружения в специфику религиозно-общественной жизни одного субъекта федерации непростой представляется задача по переключению сознания на постижение особенностей другого региона, кардинально отличающегося от ранее изученного и находящегося чуть ли не на другой стороне глобуса.

В связи с этим более логичной представляется группировка многочленных российских регионов не по алфавиту, а по федеральным округам. Выбор подобной стратегии снизил бы затраты на логистику при сборе материалов. В таком случае исследователи не мотались бы из одного конца страны в другой при написании каждого тома, а планомерно посещали соседствующие регионы конкретного округа. При этом сведения по каждому округу можно было бы изложить в отдельной книге (округов в РФ, не считая Крымского, восемь, но и в рамках проекта планируется издать целых семь томов). Более того, компоновка регионов по федеральным округам поспособствовала бы также упорядочиванию знания читателя, формированию у него целостного, а не фрагментарного представления о религиозно-общественной жизни российских регионов. Таким образом представлялись бы группы регионов, которые находятся в относительно одинаковых географических, экономических и культурных условиях, что минимизировало бы контрастность и облегчало процесс комплексного усвоения излагаемых авторами реалий.

В пользу избрания предлагаемого исследовательского дизайна говорит и тот факт, что авторский коллектив сам не в полной мере придерживается алфавитной стратегии изложения материала. Так выбранный принцип нарушается уже в первом томе, где после раскрытия информа-

ции о «регионе-матрёшке» Архангельской области излагаются материалы по Ненецкому автономного округу, одновременно являющемуся и субъектом РФ, и составной частью Архангельской области. Кроме того, данные о религиозно-общественной ситуации в городе федерального значения Москве также планируется представить в обход избранной исследовательской стратегии.

Главы обозреваемых изданий представляют собой информационно-аналитические статьи на 30–40 страниц, раскрывающие религиозно-общественную жизнь регионов по каждой имеющейся в них религиозной группе. Структурно текст каждой статьи поделен на несколько смысловых блоков: Особенности исторического развития религии в регионе/РПЦ/Альтернативные православные Церкви/РКЦ/Протестантские церкви/Иудаизм/Ислам/Буддизм/Язычество/Неоязычество. В ряде случаев главы завершаются библиографическим списком. При этом часть про православную церковь включает в себя следующие блоки: Организационная структура/Особенности епархиальной жизни/Религиозная политика властей и РПЦ/Численность/Учебные заведения/Монашество.

Наибольшим объёмом отличаются блоки про РПЦ (в традиционно мусульманских регионах еще и разделы про Ислам) и протестантские церкви. У подобной разбалансировки есть свои основания. Они заключаются не столько в стремлении авторов подробно изложить взаимоотношения региональных властей с представителями наиболее распространенных в России религиозных групп (численность российских протестантов в зависимости от подсчетов колеблется от 500 тыс. до 2 млн, что существенным образом меняет их место в «рейтинге» религиозных групп), сколько в желании отразить реальную значимость конкретных религиозных сообществ в общественно-политической жизни России. Однако в подобной постановке вопроса можно разглядеть и недостаток, связанный с традиционной для российских религиоведческих исследований фокусировкой на православии и исламе в ущерб раскрытию информации о менее многочисленных и менее известных религиозных группах.

Содержание

Представляется, что для значительной части читателей наибольший интерес будут иметь блоки «Особенности епархиаль-

ной жизни» и «Религиозная политика властей и РПЦ», так как именно в них излагается аналитическое видение основных тенденций изменения религиозно-общественной жизни российских регионов.

Разделы «Особенности епархиальной жизни» дают достаточно краткое, но вместе с тем ёмкое представление о главных особенностях церковной жизни российских регионов и наличествующих внутри Церкви разногласий. Изложенные в книге материалы проливают свет на причины происходящих при патриархе Кирилле попыток укрепления властной вертикали внутри Церкви и увеличения бюрократизации церковной жизни. Как следует из представленного в книге видения, в основе этих действий лежит стремление приструнить радикально настроенную часть духовенства и увеличить контроль над огромной и плохо управляемой церковной машиной, изнутри раздираемой религиозными, идеологическими, финансовыми и моральными противоречиями. Как отмечает авторский коллектив в первом томе «Религиозно-общественной жизни российских регионов»: «Параллельно с ростом православной активности растет и самосознание духовенства и выступающих с православных позиций мирян, растет разнообразие позиций, дискуссии и идейные конфликты. РПЦ становится полем дебатов не только по сугубо церковным вопросам, но и по вопросам общественно-политической значимости. Часто против воли церковного начальства православие становится сферой, где сталкиваются моральные и мировоззренческие позиции» (Т. I, с. 4).

После прочтения разделов «Религиозная политика властей и РПЦ» возникает стойкое желание усомниться в транслируемом государственными органами тезисе о единстве и похожести российских регионов и воспеть оду регионалистам, которым по долгу службы необходимо разбираться во всех сложностях и перипетиях каждого региона нашей страны. Сведения о религиозно-общественной жизни субъектов федерации, попавших в рецензируемые нами издания, сложно представить в обобщенном виде, ибо ситуация, сложившаяся в каждом регионе, по-своему уникальна, а попытка обобщения неизбежно приводит к потере аутентичных элементов и озвучиванию очевидностей.

В списке характеристик, присущих всем разбираемым в книге субъектам, стоит отметить следующие пункты:

1. Централизованной религиозной политики в РФ

не существует. Региональные власти пытаются улавливать интенции, идущие от федерального центра, и копировать федеральные практики диалога с религиозными организациями, однако ввиду отсутствия четко выраженной позиции и стандартизированных критериев оценки деятельности, форма и интенсивность взаимоотношений власти и религиозных организаций в регионах существенно различаются. Схожая ситуация обстоит и внутри религиозного организма РПЦ, где ответственность за связи митрополий и местных властей целиком ложится на региональных церковных иерархов.

2. Государственно-конфессиональный диалог имеет место во всех представленных регионах, но наименование институций, ответственных за его поддержание и контроль, их место в организационно-штатной структуре и влияние, оказываемое на процесс принятия политических решений, в каждом субъекте федерации варьируются.

3. Интенсивность, направленность и результативность государственно-конфессионального диалога на местах напрямую зависит от персональных ориентаций лиц, принимающих решения на государственных и церковных должностях в регионах, и не зависит от их партийной принадлежности.

Изложенная в книге ретроспектива трансформаций, происходящих в религиозно-общественной жизни регионов после смены губернатора или высокопоставленного церковного иерарха, прекрасно иллюстрирует данный тезис. При этом партийная принадлежность и идеологические взгляды губернатора/мэра/лица ответственного за отношения с религиозными организациями не играют существенной роли при определении позиции региональной власти по религиозным вопросам. Так на протяжении двух последних десятилетий в одних регионах коммунисты выступали против прозелитизма и усиления влияния РПЦ (Калужская, Кировская область), в то время как в других наоборот поддерживали РПЦ (Амурская область, Камчатский край). В третьих — боролись с менее сильными религиозными группами (Республика Карелия), а в четвертых губернаторы и церковные иерархи за время своего правления успевали кардинальным образом пересмотреть отношение и к религии, и к советской власти (Республика Алтай, Брянская область). В свою очередь «демократические»

силы в одних регионах выступали за нейтральность властей по религиозным вопросам (Калининградская область), а в других поддерживали РПЦ (Астраханская, Волгоградская область, Краснодарский край, Республика Карелия).

4. Исходя из описанных на страницах издания примеров, религиозную политику представителей региональной власти можно поделить на два типа: православно-патриотическую и взвешенно проправославную.

Православно-патриотический тип предусматривает проведение проправославной политики, выделение финансовых средств на нужды РПЦ, способствование развитию православных организаций и самодеятельностей, активному внедрению представителей РПЦ в ряды вооруженных сил и образовательные учреждения, преследование иных религиозных групп (в особенности НРД и протестантских общин) и т.п. (Белгородская область). При этом проведение в жизнь данной политики не требует от губернатора православного вероисповедания или разделения проправославных взглядов (Воронежская область при Владимире Кулакове, Кемеровская область, Республика Коми при Юрии Спиридонове, Краснодарский край при втором сроке губернаторства Николая Кондратенко).

Взвешенно проправославная политика характеризуется в целом положительным отношением к православию, которое сопровождается лояльным или нейтральным отношением к другим религиозным группам в регионе, и сдержанной финансовой поддержкой инициатив РПЦ (Республика Алтай, Волгоградская область, Республика Калмыкия, Кировская область, Красноярский край при Александре Хлопонине). В качестве лакмусовой бумажки проводимой региональными властями религиозной политики может использоваться отношение к протестантским общинам, функционирующим в регионе: если протестанты преследуются, то проводится православно-патриотическая риторика, если протестанты «не замечаются» властями, то, скорей всего, занимается сдержанно проправославная позиция.

5. Основными направлениями для работы в епархиях РПЦ являются: выстраивание эффективной финансово-экономической системы, повышение образовательного уровня клира и организация активной социальной работы с различными категориями населения. За последнее десятилетие наибольших успехов РПЦ до-

билась именно в этих направлениях, хотя интенсивность и качество социального служения православных в России все еще сильно уступает аналогичной деятельности протестантских церквей.

Отдельно стоит отметить скрупулёзность и детальность информации, изложенной в блоках про протестантские церкви в регионах России. Авторский коллектив добротно потрудился над этой частью издания, структурировав многочисленные протестантские группы и достаточно подробно описав специфику их существования и выстраивания взаимоотношений с региональными властями в России. Знакомство с данной частью издания будет интересно и полезно как специалистам в сфере государственно-конфессиональных отношений и социологии религии, так и лицам, интересующимся протестантизмом вообще и российским протестантизмом в частности. Основной тезис разделов, посвященных положению представителей данной конфессии в России, был озвучен Романом Лункиным на презентации второго тома издания в ИЕ РАН: «протестантизм в России занял прочные позиции, хотя это еще до конца не осознано ни в религиозном, ни в политическом плане».

Власть и РПЦ

Значимость данной книги для академического сообщества заключается еще и в том, что в ней на материалах религиозно-политической жизни российских регионов приводятся многочисленные доказательства несостоятельности распространенного мнения о единении РПЦ и государственной власти. Анализ ретроспективы государственно-конфессиональной политики «на местах» показывает, что светская власть и РПЦ являются не столько союзниками, сколько временными попутчиками, которые, находясь в постоянном ожидании нарушения договоренностей со стороны своего контрагента, стараются максимизировать каждый свою выгоду за счет другого.

Для властей предержащих поворот к православию был во многом обусловлен конъюнктурной ориентацией на установившийся в обществе «проправославный консенсус», прагматической ставкой на православие как «духовную скрепу» — фактор консолидирующий общество и минимизирующий в нем последствия постсоветской аномии. Занимательными примерами конструирования новой православной идентичности, скрепляющей региональную общность, являются кейсы Белгородской обла-

сти, Краснодарского края при Александре Ткачеве, Красноярского края при Александре Лебеде, Калининградской области.

В РПЦ потепление отношений с властью было воспринято как средство для увеличения роли церкви в обществе, возвращения ей утраченных в результате революции положения и собственности, что впоследствии должно способствовать душеспасительной деятельности РПЦ. На первых этапах прозелетистской деятельности РПЦ акцент делается на усилении процессов десекуляризации и проникновении Церкви в различные сферы и институты общества, привыкании общества к близости священников и наличию в информационном пространстве мнения церкви.

Однако фиксируемое на протяжении последних десятилетий однонаправленное движение светских властей и РПЦ драпирует фундаментальное расхождение целей и ценностей участников данного тандема. Светская власть рассматривает религиозный ресурс в качестве подспорья для увеличения управляемости общества, улучшения его морально-психологического положения, минимизации средств затрачиваемых на социальные службы. Власти не нужна самостоятельная и сильная церковь, ей нужно здоровое и контролируемое общество, а посему усиление РПЦ рассматривается как вынужденная мера. Данная идея эксплицитно прослеживается в высказываниях многих государственных мужей, так начальник Отдела по связям с общественными и религиозными организациями Управления внутренней политики правительства Воронежской области Александр Зайцев во время губернаторства Владимира Кулакова сообщал: «трудно сказать, что Кулаков истово верующий человек, так как он все-таки генерал-лейтенант КГБ. Кулаков, прежде всего, государственник, который прекрасно понимает, что моральные ценности обществу может вернуть только религия. Эта религия не должна быть чужой народу, а должна быть именно той, на которой строилась вся культура, и генетически воспитывался народ». По этой причине, с точки зрения Зайцева, в области признается приоритет РПЦ. Однако при этом областные власти были убеждены в том, что «православные храмы должны строиться на средства прихожан и спонсоров, а не на бюджетные деньги» (Т. I, с. 497). Другим примером позиции властей по поводу поддержки РПЦ является цитата, приписываемая авторами издания губернатору Красноярского края Валерию

Зубову. Как отмечается в книге: «Зубов не испытывал симпатии к епархии, считая, что она “постоянно требует чего-то от власти, но ничего не дает обществу”. В частных беседах Зубов выражал большую симпатию к протестантам и католикам, “которые много делают на ниве благотворительности и почти ничего не требуют”» (Т. II, с. 478).

В свою очередь целью Церкви является достижение независимости и самодостаточности, необходимых ей для наставления общества на правильный путь и спасения человеческих душ. РПЦ вынуждена участвовать в ресурсно-легитимационном обмене с властными структурами и на федеральном, и на региональном уровне, однако клир небезосновательно опасается трансформации неустойчивой симфонической модели государственно-конфессиональных отношений в цезаре-папистскую. Развитие событий именно по такому варианту произошло, в частности, в Костромской области при Игоре Слюняеве, где губернатор «активно вмешивался в жизнь епархии, приходил на епархиальные собрания, вступил в конфликт с архиеп. Александром» (Т. II, с. 412) и «добился» смены архиерея, а также в Краснодарском крае при Александре Ткачеве, где «сотрудничество с Кубанской митрополией РПЦ осуществляется в самых разных сферах, чиновники сами стараются привлекать представителей духовенства ко многим проектам, побуждая Церковь к активному общественному служению. <…> Это сотрудничество в некоторых случаях переходит рамки того, что можно назвать “помощью”, и скорее может быть названо руководством церковью. По прямому настоянию администрации, например, священников направляют в детские сады, принуждают участвовать в различных общественных мероприятиях» (Т. II, с. 439).

Ценностное расхождение сторон заключается в том, что светская власть выступает как прагматическая консервативная сила, а клир позиционирует себя как идейных традиционалистов. Консервативная позиция властей заключается в стремлении как можно дольше в неизменном виде сохранять сложившийся в обществе порядок и баланс сил, защищать интересы закрепившихся у власти групп и готовности применять нововведения только в крайних случаях, когда отсутствие реформ может привести к скорой смерти сложившейся системы. В последнем пункте власть предержащие как нельзя близки убеждениям родоначальника

консерватизма Эдмунда Бёрка, завещавшего прибегать «к лекарству, только когда больному совсем плохо»[2]. Как говорилось в одном художественном фильме о российской власти: «он [губернатор. — *М.Б.*], конечно, ничего хорошего не сделал, но и ничего плохого тоже не сделал... А это, между прочим, редко когда бывает».

При этом для властей не важно, какие методы используются для сохранения статус-кво и спасения политического организма от смерти реформирования — либерализация культуры, демократические процедуры, разрешение абортов, ювенальная юстиция, применение помощи инославных и т.п. Моральная составляющая и религиозное одобрение употребляемых методов для светских властей не важны. Чего нельзя сказать об иерархах РПЦ, для которых моральность и согласованность с теологической нормой являются стержневыми пунктами при принятии политических решений.

Для традиционалистски ориентированных иерархов РПЦ сложившийся в обществе порядок и баланс сил — неприемлемы. Они стремятся к его изменению и разбалансировке в пользу церковных структур. Многие употребляемые светскими властями методы, с точки зрения, клира являются недопустимыми и способствующими нравственному разложению общества, власть предержащие обвиняются в неискренности, непорядочности, недостаточной богобоязненности и собственных интерпретациях вероучения. Так иерархи Воронежской епархии жаловались исследователям на местную власть, сообщая, что «в администрации попадаются такие чиновники, которые называют себя ответственными людьми, а таковыми не являются. Мы выступаем с инициативами, а в администрации нас игнорируют, забирают наши идеи и проводят социальные акции независимо от епархии» (Т. I, с. 496). В свою очередь, глава миссионерского отдела Екатеринодарской и Кубанской епархии прот. Алексий Касатиков, говоря об активно внедряемом краснодарскими властями феномене «казачьего православия» отмечает: «нельзя выделять некое особое казачье православие, так как казаки не являются отдельным этносом, как вятичи или кривичи, и кроме того, “они так Бога боятся, что в церковь не ходят”» (Т. II, с. 433).

Таким образом, между светской властью и клиром РПЦ

2. *Бёрк Э.* Размышления о революции во Франции [http://helpiks.org/6-57493.html, доступ от 10.04.2016].

существуют многочисленные разногласия, причем не только на федеральном, но и на региональном уровнях. Ситуация с взаимоотношениями светской и религиозной властей осложняется также наличием в обеих вертикалях множества внутренних конфликтов как системного, так и личностного характера. Примечательно, что ставка Патриархии на лоббирование интересов РПЦ на местах через практикующих православных губернаторов далеко не всегда дает ожидаемые результаты, случается, что номинально верующие или же вообще неверующие губернаторы относятся к РПЦ лояльней, нежели воцерковленные властители субъектов РФ.

Нельзя оставить без внимания и тот факт, что представители светской и религиозной властей нередко прибегают к объединению своих усилий и создают коалиции. Вступив в альянс, светские и церковные властители российских регионов предпринимают довольно дерзкие попытки лоббирования своих консолидированных интересов, в том числе и в вышестоящих инстанциях как религиозной, так и светской властных вертикалей. Так в ряде случаев губернаторы лоббировали интересы епархиальных элит в Синоде (Республика Адыгея, Липецкая область, Республика Бурятия). В частности, «в июле 2009 года президент Бурятии Наговицин обратился к Патриарху Кириллу с просьбой создать в республике православную епархию, что в значительной мере было результатом лоббирования православного духовенства Бурятии» (Т. I, с. 337). В других случаях светские властители (губернатор/мэр) заручались публичной поддержкой церковных иерархов при выдвижении своих кандидатур на очередных выборах и совместными усилиями активно (а до некоторых пор и удачно) сопротивлялись решениям федерального центра, эксплицитно выступавшего против переизбрания старых бюрократов (Ненецкий Автономный округ при Алексее Баринове, Брянская область при Юрии Лодкине, Волгоград при Евгении Ищенко). При этом клирики продолжали поддерживать своих контрагентов даже после совершения над экс-властителями политической «расправы» (возбуждения уголовных дел и вынесения обвинительных приговоров суда). В третьих случаях религиозные и светские руководители организовывали совместные экономические и «спонсорские» проекты, например, принудительное отчисление пьяными водителями, задержанными

сотрудниками ГАИ, денежных средств на строительство храма (Волгоградская область).

Вместе с тем, сами участники проекта отмечают, что по сравнению с тем, что фиксировалось десятилетие назад, ситуация с реализацией государственно-конфессионального диалога и регулирования религиозно-общественной жизни в регионах России улучшается. Так редактор представляемого издания Сергей Филатов на презентации второго тома «Религиозно-общественной жизни российских регионов» подчеркнул: «Происходит медленный процесс выздоровления, улучшения религиозной жизни, и это не связано с политикой. Дикости становится все меньше, люди больше читают, узнают о других (исповеданиях. — *М.Б.*). Церковь постепенно меняется в лучшую сторону».

Замечания

Наряду с явными преимуществами первых изданий проекта «Религиозно-общественная жизнь российских регионов» необходимо отметить и некоторые дискуссионные моменты. Так вопросы вызывает отсутствие в работах частей с указанием процедуры поиска респондентов и методики отбора вторичных источников информации.

Участники проекта в академической сфере давно и хорошо известны своими исследовательскими наработками, их авторитет высок и общепризнан, однако данный факт не снимает необходимости описания методической части исследования. По прочтении книг становится понятно, что при составлении статей использовались интервью, проведенные авторами с представителями органов власти субъектов РФ, руководителями религиозных организаций и общин, членами экспертного сообщества, а также материалы из печатной и электронной прессы. Но в книгах не раскрываются механизмы поиска и отбора респондентов: Как составлялся список лиц, подлежащих интервьюированию? Какие проблемы возникали при составлении списка? Как исследователи выходили на то или иное государственное лицо? Какие проблемы возникали при общении с представителями власти? Все ли соглашались на разговоры? Каков оказался процент отказов? В каких регионах не удалось пообщаться с представителями власти? На контакт шли только условно «либеральные» бюрократы или скоса в «выборке» удалось избежать? Аналогичные вопросы возникают и применительно к интервью, проведен-

ным с представителями клира и экспертами.

Не менее актуальными являются вопросы о методике отбора вторичных источников информации и ссылках на них. Как определялась достоверность того или иного источника? Как определялась приоритетность одного ресурса перед другим? И что за ресурсы использовались при поиске информации? В текстах обозреваемых трудов не всегда приводятся ссылки на источники, так на страницах второго тома можно встретиться с формулировкой «как утверждают некоторые интернет-ресурсы», после которой не следует указания конкретных ресурсов. Кроме того, в конце глав не всегда приводятся библиографические списки и это при том, что разбор религиозно-общественных тенденций в каждой статье предваряется историческим экскурсом развития религии в регионе.

Также среди недостатков работы следует отметить сравнительно низкую проработанность разделов о неоязыческих общинах. Так, статья о славянском неоязычестве (родноверии) в Калужской области представляет собой приведение ссылки на событие 1999 года и реминисценцию к работе 2005 года. В то время как Калужскую область можно назвать одним из центров российского родноверия. Именно на калужской земле ежегодно проходит «всеславянское вече», на котором избирается глава одного из крупнейших в России неоязыческих объединений Союза славянских общин славянской родной веры (ССО СРВ). В издании не указывается, что за описываемый период в движении калужских родноверов произошло несколько важных изменений. В 2011 году сменился руководитель ССО СРВ. В 2014 году ССО СРВ прошел государственную регистрацию как Межрегиональная общественная организация по поддержке и развитию славянской культуры. В 2015 году на земле ССО СРВ в Калужской области было создано крупное обрядовое сооружение — храм Огня Сварожича. Кроме того, авторы ограничились лишь перечислением наличия в Кемеровской области общин последователей таких неоязыческих движений как «Радостея», «Анастасия (Звенящие кедры России)», «Город Солнца», не раскрыв какой-либо информации об особенностях их существования в данном регионе. Справедливости ради нужно отметить, что информация по общинам данных движений приводится в описаниях других регионов, в частности Кировской области и Красноярского края, од-

нако тезиса о схожести положений общин в разных регионах в тексте не присутствует.

Заключение

Несмотря на некоторые замечания, первые тома информационно-аналитического проекта «Религиозно-общественная жизнь российских регионов» являют собой пример колоссальной по объемам и фундаментальной по замаху (планируется издать 7 томов) работы, качественно выполненной коллективом преданных своему делу авторов. Данный труд заслуживает внимания специалистов разного профиля и займет достойное место на полке не только специалистов по государственно-конфессиональным вопросам, религиоведов, социологов и политологов, но и граждан, которым небезынтересна религиозная и общественно-политическая обстановка в российских регионах.

М. Богачёв

Palmisano, Stefania (2015) *Exploring New Monastic Communities. The (Re)Invention of Tradition*. Farnham, Surrey, England; Burlington: Ashgate. — 208 p.

Интерес к изучению деятельности монастырей в наши дни связан с возможностью реконцептуализации таких популярных академических воззрений, как приватизация религии, сборка своей религии, снижение роли религиозных институций. Причем исследование монастырей дает возможность рассмотреть эти вопросы на концентрированном материале групп, провозгласивших целью своей жизни духовное совершенствование. Поскольку Западная Европа считается колыбелью идеологии секуляризма, которая и провозглашает упадок религиозных верований, то особое внимание социологов религии привлекают изменения в положении традиционных католических монастырей. Стефания Пальмизано, профессор Туринского университета, занимается преимущественно современными итальянскими монастырями. Как участник множества конференций по этой теме и редактор сборника о современном монашестве, она хороша знакома с ситуацией адаптации признанных католических орденов к реалиям сегодняшнего дня[1]. Эти знания дают

1. Для ознакомления с европейскими тенденциями в области социологии монашества см. рецензию Ксении Медведевой на Jonveaux, I., Palmisano, S. and Pace, E. (eds) (2014) *Annual Review of the Sociology of Religion*.